

«Белорусская политология находится на пути становления»

— Уважаемый Сергей Васильевич, существует ли в настоящее время такое самостоятельное явление как белорусская политическая наука?

— Ответ на этот вопрос следует разделить на две части. Если понимать под наукой процесс обучения политологии, то можно констатировать, что политология изучается во всех ВУЗах Беларуси, это обязательный предмет. Существуют многочисленные кафедры политологии. Особую позицию в белорусской политической науке занимает Белорусский государственный университет, поскольку кафедра политологии БГУ, которую я имею честь возглавлять, курирует не только преподавание политологии на всех факультетах БГУ, но и курирует отделение политологии, которое готовит набор и выпуск студентов по специальности «юрист-политолог». Вокруг кафедры и образуется та интеллектуальная среда, которую мы именуем политической наукой: аспирантура, докторантура, совет по защите докторских диссертаций. Поэтому именно на нашей кафедре существует целостная система политической науки, осуществляется полный учебный цикл, необходимый для подготовки специалистов высокой квалификации. Поэтому мы можем говорить о наличии у нас школы политической науки, обладающей большим потенциалом для развития, предпосылки для этого есть. Это факт. В данном случае мы говорим о политической науке как о предмете или дисциплине.

Если же говорить о политической науке в академическом смысле, то следует признать, что она пока не существует как реальный институт. В Республике Беларусь нет ни одного научного учреждения, основной целью которого являлась бы разработка фундаментальных теоретических основ политологии. Например, в системе Национальной Академии наук отсутствует специализированный институт политологии — его нет и не предвидится. Почему так сложилось, я могу лишь догадываться. Возможно, причина не

**Интервью доктора политических наук,
зав. кафедрой политологии
Белгосуниверситета, президента Белорусской
академии политических наук,
профессора Сергея Решетникова**

только в нехватке ресурсов, но и в настороженном отношении к этой науке. У меня есть основания предполагать, что политология в сознании у некоторых напрямую связывается с политикой как системой партий, идеологиями, политическим сознанием, политической культурой — всем тем, что в американской политической традиции обозначается термином politics. Это среда, оказывающая влияние на формирование политики государства, предполагает такие понятия как политическая борьба, политическое противостояние. Такое представление сформировано даже среди практических работников и учёных. На самом же деле данный аспект является лишь частью политической науки, которая включает в себя и многие другие направления. Таким образом, наша политология пока что находится на пути становления, скажу более — она пока находится в самом начале этого пути.

— А как вы отнесётесь к мнению, что трудности в формировании политической науки связаны именно с неразвитостью политической среды и слабостью гражданского общества?

— Разумеется, этот момент имеет место. В обществе все вопросы в той или иной степени взаимосвязаны. Однако не будем забывать и о том, что сама политическая наука не является чем-либо отдельным от гражданского общества. Её структуры являются важным элементом гражданского общества. Более того, политическая наука представляет собой один из важнейших инструментов формирования этого самого гражданского общества. Как отмечал Ральф Дарендорф, гражданских обществ в идеале никто не строит, они развиваются самостоятельно. Кто-то создаёт гарвардский кол-

ледж, ещё кто-то — Республиканскую партию, кто-то третий начинает выпускать «Нью-Йорк Геральд» и т. д. Однако у возникающих сегодня демократий нет ни времени, ни средств, чтобы ждать, пока всё это случится само собой. Поэтому и необходима какая-то намеренность, создающая условия для развития гражданского общества.

Безусловно, формирование гражданского общества — вопрос будущего. Я думаю, что наша кафедра делает для этого очень многое. Например, одно из достаточно существенных направлений этой деятельности — широкое внедрение предмета «Человек и общество» на вступительные экзамены в ВУЗы с разработкой соответствующих учебных программ и написанием учебных пособий. Фактически это стимулирует сферу гражданского образования, приобщает молодёжь и школьников, будущих студентов, к системе социально-гуманитарных знаний. Поскольку этот предмет уже включён в систему, учителя, пускай неохотно, вынуждены преподавать эту дисциплину. Я считаю, что этот процесс уже необратим, мы его будем развивать, и тем самым создавать определённые предпосылки, благоприятствующие развитию гражданского общества.

Конечно, в области политического общественного сознания революции случаются редко, общественное сознание консервативно. Пускай это будут постепенные шаги, приращение малых величин, но бережное отношение к росткам гражданского общества рано или поздно принесёт свои плоды.

— Сергей Васильевич, вы упомянули кафедры политологии, которые существуют во многих вузах страны. Однако эти кафедры

чаще всего сочетают политическую науку с преподаванием права, социологии и других дисциплин. Не бывает ли так, что кафедра лишь числится политологической, а основное внимание на ней уделяется иным направлениям?

— Я понял ваш вопрос. На сегодняшний день по государственному образовательному стандарту на политологию отводится 70 часов. Заменять эти часы, например, правовыми дисциплинами, нельзя. Поэтому эти предметы не конкурируют между собой. Да и само название кафедры, включающее термин политология, предполагает содержание работы кафедры. Не думаю, что интересы политологии оказываются в данном случае ущемлёнными. Проблема в другом: люди могут быть и хотят писать научные работы и монографии по политологии, но опубликовать их нелегко. Настоящая политическая наука, не терпящая ни суевы, ни сенсаций, в издательских планах и книжных магазинах практически не представлена. Единственное, что востребовано рынком, это учебные пособия. Сейчас ни одно издательство не возьмёт монографию по политологической проблематике, поскольку они не раскупаются. Да и публикации на уровне статей возможны лишь в публицистическом плане. Научного журнала по политологии нет вообще, а издания, куда можно предложить статью по политической науке можно пересчитать по пальцам одной руки.

— Известно, что на Западе, где политология имеет более чем вековые традиции, в сообществе профессиональных политологов представлены люди, работающие в самых различных учреждениях. Таким образом, квалифицированный специалист в области политической науки может найти применение своим знаниям во многих сферах общественной деятельности. У нас же корпус профессиональных политологов практически совпадает с преподавательским корпусом. На Ваш взгляд, почему так происходит?

— Прежде всего, замечу, что на отделение политологии существует стабильно высокий конкурс. Этот отрядный для нас факт — свидетельство того, что мы даём достаточно перспективный набор знаний студентам, поступившим на наше отделение. Рынком эти знания востребованы. Все наши выпускники без проблем устроились на работу, имеют хорошие перспективы, а некоторые уже стали профессиональными политиками.

В официальном перечне профессий Республики Беларусь, утверждённом министерством образования, есть и политолог, ему присвоен соответствующий шифр. Однако возможности реализовать эту возможность затруднены тем, что в штатном расписании такая единица как политолог отсутствует. Если какая-либо фирма или учреждение сочтёт нужным иметь в своём штате политолога, она имеет право это сделать. Однако пока никто не воспользовался такой возможностью. Никто не видит практического применения политологических знаний, хотя подготовленные нами специалисты успешно работают во многих министерствах и ведомствах. Я наблюдаю здесь серьёзное заблуждение, корни которого лежат в уже указанном стереотипе политологии как науки о партиях, идеологиях, выборах и т. д. Однако при этом теряется из вида тот факт, что подготовленные нами специалисты получают навыки не только относительно деятельности в сфере гражданского общества, но и в сфере polity. Это предполагает, что он может на уровне государственных учреждений заниматься публичной политикой, то есть заниматься аналитикой и выработкой решений в сфере отраслевого государственного управления. Например, в министерстве образования должен быть аналитический отдел, в состав которого помимо специалистов в области образования должен входить и политолог. На Западе это отработанная технология — в большинстве органов государственного управления созданы группы, в состав которых входят, в том числе и политологи. Такие группы занимаются составлением концепций развития, программ или проектов. У нас же к такой работе принято привлекать экономистов, юристов, специалистов в данной конкретной сфере (относительно которой осуществляется составление концепции развития или плана), но не политологов. Считается, что политический аспект будет и без этого по ходу дела так или иначе учтён. Однако принятие решений органами государства имеет такую особенность: абсолютно все такие решения имеют политический аспект. Поэтому мы и наблюдаем сейчас, что экономически выверенное решение государственного органа оказывается в политическом отношении несоответствующим поставленным задачам. Таким образом, я вижу резерв для применения дипломированных политологов в области отраслевого планирования, причём не только в государственных учреждениях, но и в частных организациях. Это обусловлено

тем, что только политолог обладает необходимым уровнем знаний в области науки государственного управления и принятия решений.

Отмечу, что подавляющее большинство научных трудов, например, американских политологов, касается именно этой сферы политической науки. В этом смысле политологи представляют собой серьёзный резерв, который вскоре будет востребован нашим государством. Именно здесь будет основное прикладное применение политологии. Конечно при этом я не ставлю под сомнение, например, занятия политической аналитикой публицистического плана, участие в избирательных кампаниях, политический маркетинг и консалтинг, но основное поле деятельности политологов будет в сфере государственной и общественной политики и управления. Мы будем усиливать именно это направление нашей научной работы.

Причём я не случайно сказал «общественной политики». Государственный сектор неизбежно впитывает рыночные механизмы (конкуренция, менеджмент и т. д.), а негосударственный сектор впитывает механизмы административные, например, строгость нормативной базы. Транснациональные корпорации потому так хорошо и работают, что сочетают гибкость при реагировании на экономическом поле деятельности со строгостью внутреннего администрирования. Например, корпорация Форда с самого начала была организована как государство в государстве.

Разумеется, настраивая наших студентов на работу в области управления, мы перестраиваем соответствующим образом и наши программы обучения. Приходится перестраиваться и преподавателям. Это процесс неизбежный и, я считаю, нормальный. Белорусской политологии от роду всего десять лет, эта наука пока ещё очень молода.

— А нет ли преемственности между нынешним поколением политологов и белорусскими обществоведами 60-70-х годов?

— Безусловно, такая связь есть, хотя бы потому что нынешние преподаватели политологии учились в рамках существовавших тогда социальных дисциплин. Надо сказать, что уровень их преподавания в Беларуси в то время был довольно высок. Другое дело, что методология была одна единственная, это ослабляло научные позиции. Но философская подготовка была достаточно серьёзная. Нынешняя кафедра политологии БГУ сформировалась на основе кафедры научного коммунизма.

Мы этого не отрицаем и не скрываем. Мы переучились, освоили новые образовательные и научные технологии, новые методологии. И хотя политология по своему содержанию – совершенно иная наука, не будем забывать, что в своё время существовала советская ассоциация политических наук, то есть политика как предмет научного анализа признавалась у нас и в то время.

Уже появились кандидаты и доктора политических наук, возвращённые на суверенной почве. Но основы нашей школы были заложены такими людьми, как доктор философских наук Анатолий Гусев, защитивший в середине 70-х диссертацию по социальной политике США, мой предшественник на посту заведующего кафедрой политологии доктор философских наук профессор Александр Байчоров, чьи научные интересы были сосредоточены на сфере международных отношений, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Беларуси, Леонид Евменов. Нельзя не отметить весомый вклад в разработку методологии социальных наук, сделанный нашим соотечественником академиком Стёпиным, ныне директором Института философии РАН. Нельзя не упомянуть такого талантливого учёного как Иван Антонович, чьи книги являются образцом не только яркой публицистики, но и оригинальных научных подходов. Таким образом, существует научная преемственность между нашими корифеями, средней генерацией политологов и нынешними молодыми учёными.

– Наши учёные пользуются российской политологической литературой и научными наработками? А отличается ли вообще белорусская политическая наука от российской политологии?

– Первое отличие, что приходит на ум – у россиян гораздо больше ресурсов. Я имею в виду не только финансы, а прежде всего возможности для применения политологических знаний на практике, больше спрос и заказ на аналитику. Вообще-то книг у россиян сейчас печатается не просто много, но очень много. Основная часть издаваемой литературы выходит из средства западных или (и) русских фондов. Особые отличия – малый тираж и очень часто условие некоммерческого распространения. Проще говоря, через магазины продавать книги нельзя. А это означает, что специалист имеет хорошие шансы не получить нужную ему работу своего коллеги. Ну и в Российской Федерации имеются крупные научные учреждения по-

литологического профиля, например, Институт сравнительной политологии РАН – это очень мощная структура. Ну и, конечно, многочисленные частные учреждения. Могу отметить организационную поддержку российского руководства, оказываемую политологии на государственном уровне. По сравнению с российским политологическим ландшафтом наша политология выглядит какой-то усечённой.

Нас объединяет с российскими учёными тот факт, что и мы и они пока ещё только подбираемся к актуальной в мировом масштабе политологической проблематике, осваивая пока всё то, что было накоплено западной политической наукой за предыдущее столетие. Этим обусловлено сосуществование русской и белорусской политологии в одном информационно-исследовательском поле. Но говорить о том, что мы не имеем национальной политологии нельзя. Во всём мире в первую очередь изучается национальная политическая система и управление, а уж затем политическая теория, международная политика и т. д. Суверенная Беларусь как самостоятельное государство – это реальность, которая обуславливает существование и самостоятельной белорусской политической науки. Возможно, она пока ещё не приобрела контуры национальной науки, но это опять-таки объясняется её молодостью. Именно в силу этого наши учебники пока пишутся в таком отвлечённо-теоретическом духе, выход на реальную политическую жизнь страны в них, к сожалению, минимален. Кстати, и российские книжки страдают этим недостатком – это особенно заметно в сравнении с американскими курсами, которые в первую очередь посвящены американским политическим реалиям. Ни у нас, ни у россиян подобного учебника пока нет. И мы, и они находимся в сильной зависимости от зарубежной научной мысли.

Главная проблема – поиск путей институционализации политической науки. В Польше в настоящее время восемь университетов готовят политологов. Нам остаётся пока только мечтать хотя бы о факультете политических наук. Повторюсь: когда государство поймёт неизбежность профессионального подхода к решению политико-управленческих задач, тогда и политическая наука получит мощный стимул к своему развитию.

– Расскажите, пожалуйста, о международных контактах возглавляемой вами кафедры.

– Кафедра политологии Белорусского государственного универси-

тета имеет договоры о научном сотрудничестве с кафедрой политических наук Калифорнийского государственного университета Фресно и Институтом политических наук Варшавского университета. Преподаватели, аспиранты и студенты имеют возможность проходить там стажировку. По инициативе профессора Альфреда Эванса во Фресно создан Фонд «Минск», который оказывает нам помощь в обеспечении кафедры новейшей специальной литературой на иностранных языках. Так же налажены прочные контакты и обмен научно-исследовательской информацией с другими научными центрами США, Великобритании, Польши, Германии.

– Сергей Васильевич, в нашем государстве большое внимание уделяется так называемой «идеологической работе», в органах государственного управления введены должности, ответственные за выполнение данной функции. Как это соотносится с нашей политической наукой?

– Я об идеологии рассуждаю как учёный. Поэтому я заимствую в данном случае подходы и методологию, которые имеют место в европейской и мировой политической науке. Там разделяют понятия идеологии и пропаганды. Я понимаю идеологию на уровне политической концепции, определяющей развитие существующих сфер жизни государства. Для одних она выражена в так называемой национальной идее, выраженной вне конституции. Я же считаю, что идеология нашего государства содержится в его основном законе. Именно конституция определяет, на основании каких принципов происходит в государстве выработка политических решений. В этом значении идеология представляет собой базу для государственного управления. И именно конституции достаточно для существования полноценной идеологии.

Пропаганда же относится исключительно к сфере лозунгов, обещаний, деклараций и к реальному политическому решению не имеет отношения. Почему-то у нас именно пропагандистская деятельность называется идеологической работой – с научной точки зрения мне это не совсем понятно. Считаю, что выработка национальной идеологии – это не пропагандистская акция, а дело серьёзного научного коллектива специалистов в области государственного управления.

– Сергей Васильевич, спасибо за интересную и содержательную беседу.